

Можешь ли ты меня обнять? — неожиданно обратился с просьбой Е Хуай, которую даже сам счёл странной.

Тан Цзин ничего не ответил, лишь широко раскинул руки, и Е Хуай бросился отцу на грудь, крепко обняв его, боясь, что тот снова уйдёт.

Е Хуай разрывался: с одной стороны, он не хотел признавать отца, с другой — не мог отпустить его.

Немного погодя Е Хуай предложил:

— Давай сделаем так: я буду звать тебя учителем, и мы станем жить как наставник и ученик. Как тебе такое?

Тан Цзин потёр лоб, кивнул и произнёс:

— Ладно уж!

— Учитель!

— Мм.

— Учитель!

— Я слышу.

— Учитель!

— Ну всё, хватит.

— Хе-хе!

Е Хуай всё-таки был ребёнком и быстро рассмеялся.

— Братишка!

Цинь Бин схватила Е Хуая за руку, и они вприпрыжку пошли вперёд. По дороге она только и делала, что покупала всё подряд: нравилось ему это или нет, было нужно или нет — стоило ей что-то заметить, как она тут же брала вещь, накупив целую гору подарков.

Тан Цзин шёл позади, помогая всё это нести. Погуляв какое-то время и уже не имея

возможности унести ношу, они втроём наконец вернулись домой.

С появлением в доме нового человека все стали глазеть на него, как на цирковую обезьянку. Особенно старались две маленькие племянницы: они крутились вокруг Е Хуая, даря ему тряпичные куклы и угощая сладостями.

Е Хуай вовсе не чувствовал раздражения, напротив, он был очень рад. Он принимал все вещи — даже те, которые ему не нравились и были не нужны, позволяя всем забавляться с ним, как с ребёнком.

Теперь Тан Цзин жил в просторном доме с большим двором, который построил собственными руками, и жить здесь было невероятно комфортно.

Здесь были пруд с рыбой, водоём с лотосами, сад, фруктовые деревья, огород, просторная площадка и различные развлекательные сооружения.

Всего этого Е Хуай никогда раньше не видел. Три маленькие племянницы всю вовлекали его в игры, и не успел он оглянуться, как пролетело несколько лет — ему исполнилось восемнадцать.

Раньше этот остров был для Тан Цзина лишь временным пристанищем, но теперь, когда пришёл сын, его мысли изменились.

Цянь Додо был человеком умным, толковым и умел подстраиваться под обстоятельства. Узнав, что у Тан Цзина есть сын, он вложил все силы в воспитание дочери — не только писаной красавицы, но и чрезвычайно смыслёной.

Цянь Хуахуа!

Ей исполнилось шестнадцать, она была ослепительно красива, и стоило Е Хуаю бросить на неё взгляд, как его голова оказалась забита одной лишь девушкой. В итоге они сошлись.

Е Хуай обзавелся собственной семьей, и Тан Цзин, как отец, лично построил для сына дом. Впрочем, это был вовсе не обычный дом, а целый город, способный вместить несколько сотен тысяч человек.

Возводить города для Тан Цзина было так же легко, как ребёнку возиться с грязевыми куличками. Стоило ему встать на нужном месте и взмахнуть рукой, как материалы находились прямо под ногами: используя колоссальное давление, он спрессовывал крепостные стены, а затем ещё одним взмахом руки сгорал со всех сторон грязь в центр. Словно переплавляя артефакт, он в соответствии со своим замыслом формировал жилые дома, снова уплотняя их до предельной плотности, отчего прочность глиняных кирпичей превосходила сталь.

И всё же это была обычная глина, и какой бы высокой ни была её плотность, она не выдержала бы долгого размывания водой, поэтому Тан Цзин обжёг городские строения огнём, сделав город несокрушимым.

По подсчётам Тан Цзина, это первое созданное им поселение могло простоять добрых десять тысяч лет.

Город делился на девять колец. Внутри первых пяти располагалась жилая зона, а за пятым кольцом простирались сельскохозяйственные угодья. Кроме того, город примыкал тылом к огромной горе и был обеспечен водой.

Как всем этим управлять — было заботой сына, сам Тан Цзин вмешиваться не стал.

Цянь Додо, глядя на город зятя, сгорал от зависти. Однако у него не было такого отца, и просить свата помочь соорудить собственный город он не мог, поэтому оставалось лишь нанимать людей. Вокруг небольшого городка возвели множество жилых построек, полностью обступивших его.

Е Хуай переехал в новый город и обзавелся собственным домом. Повзрослев и обо всем подумав, он решил перевезти мать, чтобы та пожила в своё удовольствие.

При новой встрече с сыном Е Дуо расплылась в улыбке — теперь она не смела проронить ни единой жалобы, а её отношение сделалось просто прекрасным.

Благодаря мягкому поведению Е Дуо её родственники во главе с Е Чэнем тоже извлекли выгоду и перебрались сюда.

Что же до остальных — сколь бы любезными они ни прикидывались, толку от этого не было: до их жизней Е Хуаю не было никакого дела.

Не успел Е Хуай оглянуться, как сам стал отцом. Цянь Хуахуа родила ему сына, но не успели они толком порадоваться, как ребёнок умер.

Внезапно, безо всякой видимой причины умер. Цянь Хуахуа рыдала так, что едва не рассталась с жизнью, а убитый горем Е Хуай лишь спустя месяц мало-помалу пришёл в себя.

В один из полдней Е Хуай взял Цянь Хуахуа с собой к Тан Цзину, планируя пожить у отца несколько дней, чтобы развеяться.

— В чём дело?

Заметив, что сын не в духе, Тан Цзин встревожился.

— Всё в порядке.

Е Хуай произнёс это и тут же заплакал.

Цянь Хуахуа к тому моменту уже несколько дней не лила слёз, но стоило заплакать Е Хуаю, как она тоже зашлась рыданиями. Из-за этих слёз мужа и жены Тан Цзин чувствовал себя крайне неудобно.

И всё же, как-никак, это был его собственный сын, поэтому Тан Цзин погладил его по голове, пытаясь утешить.

Проплакав добрую часть дня, оба наконец успокоились. Тан Цзин решил даже не расспрашивать их о случившемся и велел малышке Бин позаботиться о гостях.

Жить у отца было одно удовольствие, и супруги пробыли там целых три года. Уходя обратно, они держали на руках уже двоих детей — двойняшек, мальчика и девочку.

Тан Цзин не вмешивался в дела сына с детьми: захотели прийти — пусть живут сколько угодно, захотели уйти — воля их, докучать расспросами он не собирался. Главное, чтобы его собственная жизнь протекала безмятежно.

За эти три года маленький город стал ещё оживлённее, по улицам непрерывно снували люди. Е Хуай с женой вдоволь нагулялись, прежде чем вернуться домой.

Поместье Е!

Так назывался дом Е Хуая, у входа которого несли вахту стражники.

Супруги приблизились с детьми на руках, но охранник рявкнул на них:

— Посторонним лицам не приближаться, прочь отсюда!

— Чего? — холодно усмехнулся Е Хуай. Возвращаясь домой, он вдруг превратился в постороннего?

— Шире открывай свои собачьи глаза, это твой господин! — громко заявил Е Хуай.

— Ты ещё кто такой? — стражник пригляделся к Е Хуаю, мысленно недоумевая: лицо-то незнакомое!

Е Хуай окинул охранника взглядом, сообразив, что тот новенький, и равнодушно бросил:

— Я Е Хуай, никогда не слышал?

— Ой, так это же сам городской лорд?!

Стражник смертельно испугался, тут же опустился на колени и принялся молить о пощаде.

— Пустяки. — Е Хуай был слишком ленив, чтобы возиться со стражей у ворот, и прошёл в дом вместе с женой и детьми.

В это время дома было шумно и многолюдно. Родственники лакомились фруктами, лузгали семечки, болтали, хвастались и предавались воспоминаниям о былых славных деньгах и поступках.

— Снова вы, все эти люди?

Е Хуай топнул ногой. Увидев Шао Цзюня, он скрикульнул зубами от злости и почувствовал страшную усталость: да когда же эти призраки перестанут преследовать его!

— О, а вот и вернулись?

Е Дуо бросилась к ним, собираясь взять ребёнка на руки, но Цянь Хуахуа поспешно отстранила её, не давая прикоснуться.

— Ты?!

Разъяренная Е Дуо ткнула пальцем в Цянь Хуахуа и завопила:

— Бунт удумала?! Да твой отец передо мной на цыпочках ходит и стелется как пёс, а ты смеешь идти против моей воли?!

— Хватит! — взорвался Е Хуай, чувствуя, что сходит с ума.

И зачем только он сюда вернулся? Возвращайся — и сразу одни хлопоты!

— Эй, стража!

— Здесь!

— Выгнать мне их отсюда!

— Есть!

Стражники подчинялись Е Хуаю: пусть даже начальник сменился, полно новичей и Е Дуо пыталась их подкупить, перед лицом самого Е Хуая они не смели ослушаться.

На этот раз Е Дуо не стала устраивать истерику — она поумнела и решила стерпеть.

Выпроводив непрошенных гостей, в доме воцарился долгожданный покой. Поразмыслив, Е Хуай пригласил тестя, поручив ему навести порядок в семейных делах.

Цянь Додо был совсем не похож на Е Хуая. Стоило ему взяться за дело, как он тут же сменил всю прислугу, предпочитая испытывать нехватку людей, но не приближать к себе подозрительных лиц. К тому же он точно знал, что смерть его первого внука была неслучайной и к ней приложили руку.

Обладая дальновидностью, Цянь Додо прекрасно понимал принцип «единой судьбы и общего благополучия», поэтому служил Е Хуаю верой и правдой, а к внучке и внуку относился с нежностью. С его появлением дом наконец стал похож на настоящий очаг.

Е Дуо прождала какое-то время, но так и не дождалась, пока сын пришлёт за ней обратно. Тогда она принялась распускать по всей округе слухи о том, что сын её неблагодарный, а его нравы порочны. Вскоре только и было разговоров за чашкой чая, что об Е Хуае, и отовсюду неслись лишь проклятия в его адрес.

Е Хуай же ничуть не переживал: целыми днями он безмятежно проводил время дома, нянчась с детьми и уделяя внимание жене — жизнь была просто прекрасна.

Шао Цзюнь и его банда, изгнанные из города, вернулись к прежней жизни одиночек-скитальцев: брались за случайную подработку, копались в земле, и на еду-то хватало, да и удавалось кое-что отложить.

Поначалу всё шло к лучшему, но, в конце концов, этим людям по-прежнему хотелось сладкой жизни — чтобы ничего не делать, только и знать, что есть вволю да языком трепать, какая же благодать!

Шайка Шао Цзюня по-прежнему насчитывала больше сотни человек. Старики умирали, рождались новые, и все они держались вместе, образовав собственный замкнутый кружок.

Никто и заметить не успел, с каких пор на острове вошла в моду культивация: одни принялись варить пилюли, другие ковать артефакты, третьи стали набирать учеников.

Банда Шао Цзюня не отстала от веяний: они изо всех сил старались заработать денег и тоже влились в общую струю.

В тот день Е Хуай вновь привёл семью навестить отца и пожить у него несколько дней. На этот раз они привезли с собой немало ценного: помимо лекарственных пилюль, захватили ещё и магические сокровища.

Каждому досталось по вещице, и Тан Цзин тоже получил подарок от сына.

Это был меч, способный увеличиваться и уменьшаться в размерах, крайне удобный в обращении.

Тан Цзин не собирался ни с кем драться или убивать, так что меч ему был совершенно ни к чему. Осмотрев клинок, он убрал его, оставив себе лишь изящную подвеску.

Подвеска была сплетена из красной нити, а к ней крепился нефритовый кулон, выглядевший весьма неплохо.

Тан Цзин обратил на него внимание лишь потому, что от вещицы исходили пространственные колебания — пускай слабые, но он всё же уловил их.

С различными магическими сокровищами и способами привязки к хозяину Тан Цзин был прекрасно знаком.

— Да в нём ещё и живые существа?!

То, что открылось его взору внутри пространства нефритового кулона, изумило Тан Цзина до глубины души.

Там находились люди, притом целые тысячи, и жили они внутри просто прекрасно.

То были не простые смертные, а истинные практики, занимавшиеся выращиванием лекарственных трав.

Не привлекая внимания обитателей кулона, Тан Цзин извлёк часть заготовленных ими целебных растений.

Самих этих трав Тан Цзин прежде не знал, но мог отчетливо прочувствовать их свойства.

Его дочери уже достигли уровня Императоров Боевых Искусств, и обычным путём их силу было уже не поднять — разве что отправляться в более высокие миры. Однако теперь, с появлением этих трав, беспокоиться больше не стоило.

У него были все основания полагать, что с помощью таких растений он сумеет поднять уровень

культивации дочерей.

Раз уж эту вещь принёс Е Хуай, доля полагалась и ему, ну а Цянь Хуахуа перепала частичка удачи заодно с мужем.

Если говорить начистоту, Цянь Хуахуа была неприятным человеком, и Тан Цзин старался с ней не контактировать, поскольку она постоянно, к месту и не к месту, поминала своего отца, чем страшно действовала ему на нервы.

Появление нефритового кулона принесло с собой и лекарственные травы, и тогда Тан Цзин велел всем погрузиться в уединение для медитации, а сам отправился прогуляться наружу.

В маленьком городке царило оживление, и Тан Цзин с любопытством глазел по сторонам на уличных торговцев.

— Уважаемый, взгляните-ка на эту вещицу, — окликнул его один из лавочников, вертя в руках какой-то предмет причудливой формы.

Неужели?

Тан Цзин нахмурился: он снова уловил пространственные колебания.

— Сколько? — равнодушно бросил Тан Цзин, принимая из рук торговца странный предмет.

— Десять золотых! — ухмыльнулся продавец.

Тан Цзин не стал спорить, расплатился и пошёл дальше.

Он не спешил изучать находку, решив сперва выяснить, откуда у этих людей вообще берутся подобные вещи.

Повсюду расспрашивая и ведя расследование по следам, Тан Цзин в конце концов узнал, что рудокопы наткнулись на древнее захоронение, из которого выкопали бесчисленное множество сокровищ.

Среди этих людей попадались лишь Воины низших ступеней, смыслившие в магии ровно столько же, сколько в звёздном небе, а потому они за бесценок распродавали артефакты направо и налево.

Обнаружив это, Тан Цзин велел Цянь Додо скупить все сокровища до единого, чтобы те не расползались по рукам.

Цянь Додо обладал немалой сметкой: он сперва велел изготовить множество поддельных артефактов, а затем принялся одновременно скупать и тут же подбрасывать фальшивки обратно. Потратив полгода, он наводнил всю округу искусственными сокровищами.

Люди хоть и начали постигать культивацию, но оставались всего лишь Воинами — что они вообще понимали в таких делах!

Тан Цзин забрал все подлинные сокровища, но и на этом не успокоился, приказав Цянь Додо тайком отслеживать тех, кому всё же посчастливилось утаить настоящую вещицу, и добывать её любыми путями.

Чтобы Цянь Додо усерднее старался, Тан Цзин оказал ему поддержку, возведя в ранг первого на острове Полководца.

Однако Цянь Додо был уже в годах, и его культивация росла черепашьими шагами — тут уж ничего не попишешь.

<http://bllate.org/book/19302/1889174>